

АНАСТАСИЯ ГЕННАДЬЕВНА ВАСИЛЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Московский педагогический государственный университет (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0009-0000-7269-8688; ag.vasilenko@mpgu.su

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ В ПОВЕСТИ Ю. В. ТРИФОНОВА «ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ»

А н н о т а ц и я . Представлен функционально-стилистический анализ особенностей использования фразеологических и паремиологических единиц в художественных текстах Ю. В. Трифонова. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью идиостиля писателя с точки зрения функционирования устойчивых языковых единиц. Целью работы является выявление закономерностей функционирования фразеологических и паремиологических конструкций в различных повествовательных регистрах. В основе исследования – функциональный подход, ориентированный на изучение языковых единиц в контексте их реализации. Особое внимание уделяется классификациям функций фразеологических единиц с акцентом на распределение этих функций по нарративным уровням. Новизна исследования заключается в том, что фразеологические и паремиологические конструкции рассматриваются не только как элементы лексико-фразеологического уровня, но и как структурные маркеры, участвующие в выстраивании повествовательной перспективы, отражении авторской позиции и моделировании коммуникативных отношений между нарративными инстанциями: автором, нарратором, персонажем. Выявлена зависимость между частотностью и стилистической природой используемых фразеологических единиц и типом повествовательного регистра: книжная фразеология преимущественно сосредоточена в авторском дискурсе, тогда как разговорные конструкции – в персонажной речи. На примере одной из повествовательных категорий показано, как разговорная фразеология и паремиология становятся средством формирования языковой личности героя. Особое внимание уделено графическому выделению фразеологизмов как способу актуализации их функций. Сделан вывод о полифункциональности устойчивых выражений, их роли в формировании смысловых доминант текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : паремиология, фразеология, функциональный подход, нарратология, Ю. В. Трифонов, идиостиль, прагматический потенциал

Д л я ц и т и р о в а н и я : Василенко А. Г. Особенности функционирования разговорной фразеологии и паремиологии в повести Ю. В. Трифонова «Дом на набережной» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 37–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1230

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса лингвистов к фразеологии художественного текста, что находит отражение в публикациях ведущих российских научных изданий. Современные исследования охватывают широкий спектр аспектов функционирования фразеологических единиц в литературе: от их роли в создании образной системы произведения до анализа индивидуально-авторского стиля. Особое внимание уделяется поэтической фразеологии как элементу языковой картины мира (Е. Н. Антонова [1]), вопросам структурно-семантической трансформации фразеологизмов и их стилистическим функциям в авторских текстах

(Е. А. Шумских [15]; Т. А. Дьякова [5]). Продолжается разработка словарей языка писателя, где фразеология рассматривается как ключевой элемент индивидуального стиля, способствующий передаче этнокультурных смыслов. Усилился интерес исследователей к функциональному потенциалу паремий и крылатых выражений в прозаических произведениях, особенно в региональной литературе, что позволяет рассматривать их как элементы не только художественной, но и культурной семиотики (Н. И. Комкова, О. В. Ломакина [7]). Одним из перспективных направлений является также изучение особенностей перевода фразеологических единиц в контексте межъязыковой и межкультурной комму-

никации, что позволяет выявить семантические сдвиги и культурные трансформации при передаче образной информации (В. А. Данилова [3]). В данной статье мы будем опираться на представление о функционировании фразеологических единиц в художественном тексте как на значимое средство создания образной структуры произведения и характеристики персонажей.

* * *

Фразеологические и паремиологические единицы включены в фокус внимания лингвопоэтики, рассматриваются как инструментарий, характерная идиостилевая черта, средство языковой выразительности художественного текста. Их эстетический потенциал применительно к творчеству прозаиков и поэтов разных эпох неоднократно привлекал внимание как лингвистов, так и литературоведов при изучении творческого наследия отдельных авторов. Однако применительно к творчеству Ю. В. Трифонова до настоящего времени не сложилось стройного и последовательного описания, связанного с функционированием фразеологических и паремиологических единиц в художественных текстах автора. Недостаточная изученность этого вопроса подчеркивает значимость настоящего исследования, направленного на восполнение пробелов в понимании идиостиля писателя и роли фразеологических средств. Особого внимания заслуживает тот факт, что произведения Ю. В. Трифонова, особенно тексты московских повестей, неоднократно становились иллюстративным материалом в лексикографической практике, свидетельствуя о богатстве и разнообразии фразеологических и паремиологических ресурсов языка писателя.

Мы исходим из понятия фразеологизма, заложенного в трудах Н. М. Шанского. Фразеологизм, фразеологическая единица – это

«общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизма» [13: 21].

Среди отличительных признаков фразеологизма – устойчивость, воспроизводимость, целостность значения, идиоматичность, образность, вариативность.

В текстах художественных произведений Ю. В. Трифонова фразеологические и паремиологические конструкции преимущественно по-

лифункциональны, связаны с ключевыми текстовыми категориями (дом, время, жизнь, смерть и мн. др.); могут выступать в качестве *тезаурусообразующих единиц*, способных вводить в текст ценностный, *лингвокультурологический смысл*. В свою очередь, как отмечает А. В. Королькова, «ценностная парадигма в диахронии отражается в устойчивых словесных формулах, оборотах речи. Это, прежде всего, фразеологические единицы и поговорки, а также афоризмы и крылатые выражения» [8: 485]. Фразеологические и паремиологические конструкции активно используются в *сильных текстовых позициях* (термин использован вслед за И. В. Арнольд), являются *ключевыми текстовыми единицами*.

При интерпретации фразеологических и паремиологических единиц мы опираемся на функциональный подход. Он предполагает необходимость описания, определения и изучения языковых единиц любого уровня в конкретных условиях их функционирования – в контексте, где они участвуют в реализации коммуникативных и эстетических задач. Такой подход акцентирует внимание на прагматическом и эстетическом потенциале фразеологических и паремиологических конструкций, на их способности формировать текстовое единство и выявлять значимые смысловые и ценностные доминанты произведения.

Заслуживает внимания и тот факт, что в прозе Ю. В. Трифонова фразеологические и паремиологические единицы могут быть выделены графически, что позволяет трактовать их не только как элементы лексико-фразеологического уровня, но и как особые семиотические знаки, интегрированные в систему идиостиля писателя. Уже в ранних произведениях писатель экспериментирует с различными приемами графического оформления – курсивом, разрядкой, полужирным шрифтом, прописными буквами в массиве строчных, использованием креолизованных текстов и др. Подобные визуальные маркеры не только привлекают внимание читателя, но и направляют восприятие текста адресатом, нарушая автоматизм чтения.

К настоящему времени сложилось множество подходов, связанных с пониманием оснований для выделения функций фразеологических и паремиологических единиц. В. М. Савицкий в работе «Основы общей теории идиоматики» выделяет такие функции, как идентифицирующая, дефиниционная, характеризующая, мнемотехническая, выразительная, изобразительная, эвфемистическая; криптолалическая (конспиративная), экспрессивная, эмотивно-оценочная, функция

сентенциозной оценки, моделирующая, кумулятивная, функция выражения размытых понятий и др. [11: 178–181].

Значимым представляется и учет прагматического компонента: фразеологические и паремиологические единицы способствуют выражению отношения говорящего «к номинируемому фрагменту действительности, к адресату и всей ситуации речевого общения <...> достижению определенного прагматического эффекта» [4: 110]. Среди прагматических функций фраземы Е. А. Добрыднева выделяет фатическую, побудительную, эмоционального воздействия, достижения эмпатии, формирования мнения, эстетического воздействия и т. д. [4].

В контексте настоящего исследования мы будем опираться на подход, заданный в трудах О. В. Ломакиной, отмечающей иерархичность функциональной стороны фразеологии, полифункциональность данных языковых средств, необходимость анализа функционирования фразеологических и паремиологических единиц внутри контекста [9].

Другой значимой предпосылкой становится учет фактора принадлежности фразеологической единицы дискурсу той или иной повествовательной категории. Подходом, позволяющим интерпретировать функционирование фразеологических конструкций через призму повествовательных форм в процессе их взаимодействия, становится лингвистика нарратива, дисциплина, изучающая «формальные правила извлечения из повествовательного текста всей той семантической информации, которую получает из него человек как носитель языка» [10: 41]. В настоящей статье нарратология понимается как дисциплина, анализирующая литературу сквозь призму коммуникативного подхода, при котором литературный текст мыслится как акт передачи смысла, осуществляющийся на множественных повествовательных уровнях. Такой подход позволяет интерпретировать нарратив как цепочку взаимосвязанных коммуникативных инстанций, включающую автора, нарратора, наррататора и читателя. Особое внимание в статье уделяется анализу повествовательных партитур и выявлению структурных отношений между различными субъектами нарратива. В качестве теоретической модели используется концепция коммуникативных уровней, разработанная В. Шмидом, в рамках которой мы исходим из определения повествовательной категории как инстанции нарративного литературного текста, рассказа, дискурса или разных категорий автора и читателя [14]. Ограничения данного под-

хода представлены в публикации И. Ю. Третьяковой «Проблемы изучения фразеологических единиц в дискурсе» [12].

Фразеологические и паремиологические единицы в произведениях Ю. В. Трифонова частотны как для речевых партий повествователей (нарраторов), так и для персонажной речи. В этом ракурсе они не только становятся средством индивидуализации речи героев, но и выполняют функцию маркировки повествовательного регистра, сигнализируя о смене повествовательной перспективы или о переключении коммуникативных уровней. Таким образом, в контексте данного подхода можно говорить об особенностях функционирования фразеологических и паремиологических конструкций в дискурсе отдельных повествовательных категорий. Анализ фразеологических конструкций позволяет выявить ряд закономерностей, связанных с их функционированием в художественном тексте.

Частотность использования фразеологических единиц варьируется в зависимости от повествовательного регистра. Наименьшая частотность отмечается в нейтральном повествовательном дискурсе, тогда как в персонажной речи фразеологические и паремиологические конструкции используются значительно активнее. Установлена корреляция между стилистической принадлежностью используемых фразеологизмов и типом повествовательного регистра: книжные фразеологические единицы чаще встречаются в дискурсе повествователя, а разговорные и стилистически маркированные конструкции преобладают в речи персонажей и зачастую закрепляются за конкретными героями.

Особое внимание необходимо уделить ключевым с точки зрения сюжетной организации эпизодам произведения, в которых наблюдается максимальная концентрация смыслов. Фразеологические и паремиологические единицы, используемые одновременно в дискурсах разных повествовательных категорий, обеспечивают многоракурсность и многоплановость изображения событий, отражая различные позиции и оценки. Графическое выделение фразеологизмов в таких эпизодах усиливает их смысловую значимость, акцентирует читательское восприятие и способствует раскрытию глубинных ценностных и смысловых констант текста. В подобных случаях можно говорить о проявлении авторского отношения к изображаемому, которое «сравнительно редко находит отражение в прямых оценках, но проявляется на разных уровнях системы текста»¹.

В качестве примера яркой персонажной речи целесообразно привести наблюдения, связанные с дискурсом Льва Шулепникова. Он (Шулёпа)

въехал в Дом на набережной вместе со своим отчимом, переехал «в большой дом откуда-то из пригорода или даже, кажется, из другого города» (373)². В студенчестве Шулепников необъяснимо быстро стал деятелем. «Впрочем, объяснимо: за кулисами стоял отчим, обладавший гигантскими возможностями» (370). Но вскоре все изменилось:

«...несколько лет спустя, его жизнь перевернулась, второй его “бать”, похожий на усатого запорожца, оказался не у дел, дом рухнул, машина исчезла, мать чудом уцепилась за что-то, оставшись в одиночестве, а Левка превратился в мелкого футбольного администратора, ездил с командой из города в город, добывал гостиницу, бутсы, мячи, “левые” игры и пьянствовал, за что вскоре был изгнан отовсюду, и потом занимался неизвестно чем» (484).

Сквозь временные пласты мы вновь видим Шулепу: мебельного подносила, которого «в одну страну заряжают года на три», сторожа на кладбище, где похоронена Соня. Для формирования целостной характеристики языковой личности персонажа необходимо систематизировать весь его речевой материал в художественном произведении [6: 70]. В речи Левки Шулепникова частотны разговорные фразеологические конструкции, многие из них сопровождаются в лексикографических источниках пометами «груб.», «вульг.-прост.», «прост.» и пр. Вслед за О. В. Ломакиной следует подчеркнуть, что «фразеология может быть характерной чертой языковой личности» [9: 158].

«— Чего-то ворчит на тебя... Никто, говорит, его **силой на трибуну не тянет**, пусть, говорит, **целку из себя не строит**... Чего, говорит, он бегаёт и всем жалуется?... Зануда, говорит, твой Глебов...» (465).

См. «...**ломаться как целка** груб.; **строить из себя целку** груб. Упорно и необоснованно (с точки зрения говорящего) отказываться от предложений или просьб (обычно предосудительных), мотивируя свой отказ моральными нормами, что осмысливается как поведение невинной девушки, не желающей вступать в сексуальные отношения, при том что отказывающийся совсем не похож на невинную девушку»³.

«Он (Левка) сам будет выступать, хотя ему тоже неловко, ведь он знает Ганчука с детства, да и некогда, голова занята не тем. Его сейчас в один вояж готовят на полгода, сидит ночами английский пилит, вон книжки валяются, словари. Но если нужно выступить, значит, нужно, старик-то маразмизирует, время его давно ушло, а он не чувствует, хорохорится вместо того, чтобы уступить место, и **не хрена тут разводить китайские церемонии**, а то хороши: **и на елку сесть и задницу не поцарапать**...» (464).

См. «**Не хрена** (делать что-л.). груб. Эвф.; не хрен (делать что-л.) груб. Эвф. Указание на то, что нет причин / оснований для того, чтобы кто-либо делал что-либо, хотя кто-то придерживается противоположной точки зрения, и выражение желания предотвратить эти действия. Незачем, нечего»⁴.

Для дискурса персонажа характерны паремийно-логические конструкции, ср.:

«Здравствуй, Дуня, *Новый год*. См. Здравствуй, жопа, Новый год. Вульг.-прост. Шутл.-ирон. 1. Шутливое приветствие. 2. *Неодобр.* О человеке, совершившем какую-л. глупость, нелепость, допустившем промах. 3. Выражение удивления, изумления. 4. Выражение резкого протеста, несогласия с чем-л. Мокиенко, Никитина 2003, 148»⁵.

«*Хорош гусь*. Прост. Неодобр. О нечестном, ненадежном человеке. ДП, 162, 471; Ф1, 131; ПОС 8,98»⁶.

«*Разводить китайские церемонии*. Разг. Шутл.-ирон. Утомительные и ненужные условности; излишнее проявление вежливости; бессмысленный этикет»⁷.

Каждая из данных единиц полифункциональна, не только служит средством характеристики языковой личности говорящего, но и выступает средством экспрессии, передает отношение говорящего к описываемому объекту, характеризует его как яркую языковую личность, стремящуюся занять лидерские позиции в коллективе. В то же время, если говорить об иерархии функций, на первый план выходит характеризующая функция фразеологизма как экспрессивной языковой единицы. Это не столько номинация явления, события, действия, сколько его оценка и характеристика. Шулепников открыто использует табуированную лексику, бравирует нарушением социальных норм [2: 16].

Для дискурса повествователя от первого лица, напротив, характерны стилистически нейтральные и книжные единицы, одиночные конструкции, маркируемые как «разговорные». Примечательно, что одной из таких единиц становится конструкция «катить бочку».

См. «*Катить бочку* (на кого-л.) жарг.; *Катить баллон / баллоны* (на кого-л.) жарг. Агрессивно предъявлять претензии (по большей части необоснованные) к кому-либо, что описывается как перемещение по направлению к субъекту тяжелого предмета, способного нанести ему физический ущерб. Обвинять, наезжать»⁸.

В тексте повести фразеологизм выделен графически при помощи разрядки, см.

«<...> то, что казалось тогда очевидностью и простотой, теперь открывается вдруг новому взору, виден скелет поступков, его костяной рисунок — это рисунок с т р а х а. Чего было бояться в ту пору глупоглазой юности? Невозможно понять, нельзя объяснить. Через тридцать лет ни до чего не дорыться. Но проступает скелет... Они к а т и л и б о ч к у на Ганчука. И ничего больше. Абсолютно ничего! И был страх — совершенно ничтожный, слепой, бесформенный, как существо, рожденное в темном подполье, — страх неизвестно чего, поступить вопреки, встать наперекор. И было это так глубоко, за столькими перегородками, под такими густыми слоями, что вроде и не было ничего похожего» (452).

При анализе фрагмента необходимо отметить, что страх выступает одним из сюжетообразующих мотивов произведения, является ключевым словом, неоднократно повторяющимся и организующим текстовое пространство повести. С течением времени становится очевидной сущностная природа поступков героев. Страх выступает в роли своеобразного «скелета» этих поступков. Спустя годы рассказчик осознает истинный смысл произошедшего и подбирает для его характеристики наиболее подходящую фразеологическую единицу, принадлежащую дискурсу участников описываемых событий. И это единица разговорная, нехарактерная для его речи. Выделенный фразеологизм выполняет функцию маркирования «чужого слова», что также характерно для графически выделенных единиц в идиостиле Ю. В. Трифонова. Выделенная фразеологическая конструкция полифункциональна: эмоционально-экспрессивная функция, вербализующая чувства и эмоции говорящего, номинативная функция (означивание, определение сути явления), функция маркирования чужого слова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило обозначить некоторые закономерности функционирования фразеологических и паремиологических единиц в художественном тексте Ю. В. Трифонова. Исследование фундировано подходом, заданным в трудах О. В. Ломакиной, отмечающей иерархичность функциональной стороны фразеологии, полифункциональность данных языковых средств, необходимость анализа функционирования фразеологических и паремиологических единиц внутри контекста. Приведены существующие классификации функций фра-

зеологических единиц; наблюдения, связанные с установлением зависимостей между теми функциями, которые характерны для отдельных фразеологических и паремиологических конструкций, и их принадлежностью дискурсу той или иной повествовательной категории. В ходе анализа установлено, что частотность использования фразеологических единиц варьируется в зависимости от повествовательного регистра. Наименьшая частотность отмечается в нейтральном повествовательном дискурсе, тогда как в персонажной речи разговорные фразеологические и паремиологические конструкции используются значительно активнее. Установлена корреляция между стилистической принадлежностью используемых фразеологизмов и типом повествовательного регистра: книжные фразеологические единицы чаще встречаются в дискурсе повествователя; разговорные и стилистически маркированные конструкции преобладают в речи персонажей и зачастую закрепляются за конкретными героями. В частности, на примере персонажной речи продемонстрировано, как экспрессивно окрашенные фразеологические и паремиологические конструкции становятся неотъемлемой частью языковой личности персонажа.

Фразеологические и паремиологические единицы, используемые одновременно в дискурсах разных повествовательных категорий, обеспечивают многоаккурсность и многоплановость изображения событий, отражая различные позиции и оценки. Дополнительная интенсификация возможна за счет акцентуации единиц, ср. использования автором средств графического выделения (выделение разрядкой), выбор сильных текстовых позиций и пр.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. завед. М.: Изд. центр «Академия», 2003. С. 167.
- ² Трифонов Ю. В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Повести. М.: Худ. лит., 1986. 495 с. Ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ³ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 752.
- ⁴ Там же. С. 747.
- ⁵ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 234.
- ⁶ Там же. С. 171.
- ⁷ Там же. С. 727.
- ⁸ Там же. С. 52.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Е. Н. Фразеология современной лингвопоэтики в таксономическом аспекте // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. 2021. № 2. С. 105–120 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/064/8_64.pdf (дата обращения 01.02.2025).

2. Василенко А. Г. Функции графически выделенного фрагмента в составе разных повествовательных партитур (на материале повести Ю. В. Трифонова «Дом на набережной») // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 15–20.
3. Данилова В. А. Механизмы передачи фразеологических единиц в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [На материале перевода Дарио Морейра Кастро Алвеса на португальский язык] // Litera. 2021. № 7. С. 90–98. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.7.33697
4. Добрыднева Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. Волгоград, 2000. 224 с.
5. Дьякова Т. А. Разговорная фразеология в произведениях Михаила Матусовского: Материалы к словарю языка писателя (А–Г) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (32). С. 64–71. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-64-71
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 363 с.
7. Комкова Н. И., Ломакина О. В. Функциональный потенциал паремий и крылатых единиц в художественном тексте (на примере рассказов Б. В. Шергина) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 10–2. С. 139–143. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.10-2.24
8. Королькова А. В. Русская афористика как отражение ценностной парадигмы российского общества // Преподаватель XXI век. 2024. № 4–2. С. 484–494.
9. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: Монография. М.: РУДН, 2018. 344 с.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996. 464 с.
11. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М., 2006. 208 с.
12. Третьякова И. Ю. Проблемы изучения фразеологических единиц в дискурсе // Фразеология и паремнология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 24–25 сентября 2020 года. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 23–27
13. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1969. 231 с.
14. Шмид В. Нарратология. М., 2003. 312 с.
15. Шумских Е. А. Индивидуально-авторская фразеология в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 56–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66

Поступила в редакцию 08.04.2025; принята к публикации 07.07.2025

Original article

Anastasiia G. Vasilenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0009-0000-7269-8688; ag.vasilenko@mpgu.su

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF COLLOQUIAL PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY IN YURI TRIFONOV'S NOVEL *THE HOUSE ON THE EMBANKMENT*

Abstract. The article presents a functional and stylistic analysis of the use of phraseological and paremiological units in the literary texts of Yuri Trifonov. The relevance of the study is determined by the insufficient exploration of the writer's idiostyle from the perspective of the functioning of stable linguistic units. The aim of the research is to identify patterns in the functioning of phraseological and paremiological constructions across different narrative registers. The study is grounded in a functional approach focused on examining linguistic units within the context of their actualization. Particular attention is paid to the classification of functions of phraseological units, with an emphasis on their distribution across narrative levels. The novelty of the study lies in the interpretation of phraseological and paremiological constructions not only as elements of the lexical and phraseological level, but also as structural markers involved in constructing narrative perspective, expressing the author's stance, and modeling communicative relations between narrative instances – namely, the author, narrator, and character. The study reveals a correlation between the frequency and stylistic character of the phraseological units and the type of narrative register: literary phraseology is mainly concentrated in the authorial discourse, while conversational constructions are prevalent in the speech of characters. Using one of the narrative categories as an example, the article demonstrates how conversational phraseology and paremiology function as a means of shaping the linguistic personality of a character. Special attention is given to the graphic highlighting of phraseological units as a way of emphasizing their textual functions. The study concludes that phraseological and paremiological expressions exhibit multifunctionality and play a significant role in shaping the semantic dominants of the text.

Key words: paremiology, phraseology, functional approach, narratology, Yuri Trifonov, idiostyle, pragmatic potential

For citation: Vasilenko, A. G. Functional peculiarities of colloquial phraseology and paremiology in Yuri Trifonov's novel *The House on the Embankment*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):37–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1230

REFERENCES

1. Antonova, E. N. Phraseology of modern linguistic poetics in a taxonomic aspect. *World of Linguistics and Communication*. 2021;2:105–120. Available at: http://tverlingua.ru/archive/064/8_64.pdf (accessed 01.02.2025). (In Russ.)
2. Vasilenko, A. G. Functions of highlighted words in different narrative songs in the narrative *The House on the Embankment* by Yu. Trifonov. *Tomsk State University Journal*. 2015;392:15–20. (In Russ.)
3. Danilova, V. A. Mechanisms of conveying phraseological units in the novel “Eugene Onegin” by A. S. Pushkin (based on the translation into Portuguese language by Dário Moreira Castro Alves). *Litera*. 2021;7:90–98. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.7.33697 (In Russ.)
4. Dobrydneva, E. A. The communicative-pragmatic paradigm of Russian phraseology. Volgograd, 2000. 224 p. (In Russ.)
5. Diakova, T. A. Colloquial phraseology in Mikhail Matusovsky's works: materials for the dictionary of the writer's language (A–G). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2021;3(32):64–71. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-64-71 (In Russ.)
6. Karaulov, Yu. N. Russian language and linguistic personality. Moscow, 1987. 363 p. (In Russ.)
7. Komkova, N. I., Lomakina, O. V. The functional potential of paremias and winged units in a literary text (using the example of short stories by B. V. Shergin). *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series “Humanities”*. 2024;10(2):139–143. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.10-2.24 (In Russ.)
8. Korolkova, A. V. Russian aphoristics as a reflection of the value paradigm of Russian society. *Prepodavatel XXI vek*. 2024;4(2):484–494. (In Russ.)
9. Lomakina, O. V. Phraseology in texts: functioning and idiostyle. Moscow, 2018. 344 p. (In Russ.)
10. Paducheva, E. V. Semantic research. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.)
11. Savitsky, V. M. Fundamentals of the general theory of idiomatics. Moscow, 2006. 208 p. (In Russ.)
12. Tretyakova, I. Yu. Problems of studying phraseological units in discourse. *Phraseology and paremiology in diachrony and synchrony (from archaization to neologization): Proceedings of the international scientific and practical conference, Kostroma, 24–25 September 2020*. Kostroma, 2020. P. 23–27. (In Russ.)
13. Shansky, N. M. Phraseology of the modern Russian language. Moscow, 1969. 231 p. (In Russ.)
14. Schmidt, V. Narratology. Moscow, 2003. 312 p. (In Russ.)
15. Shumskikh, E. A. Individual author's phraseology in I. S. Turgenev's novel “Home of the Gentry” (“Dvoryanskoe gnezdo”). *Russian Language at School*. 2021;82(5):56–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66 (In Russ.)

Received: 8 April 2025; accepted: 7 July 2025